

Тишунина Н.В.

РГПУ им. А.И. Герцена

Глобализация и культура: вызов, рефлексии, стратегии*

Проблема глобализации современного мирового пространства – экономического, политического, социокультурного, – безусловно, является одним из главных вызовов XXI века. И, если в предшествующее десятилетие еще можно было дискутировать о том, соотносятся ли процессы глобализации с интересами каждой национальной общности и, если соотносятся, то как этим процессам активно сопротивляться, то сегодня осознание взаимосвязанности и взаимозависимости всего, что происходит в мировом сообществе во всех сферах деятельности, является абсолютной непреложностью. Вопрос заключается не в том, чтобы «разрешить» или «воспротивиться» развитию глобальных процессов, а в том, чтобы, глубоко и всесторонне проанализировав их специфику, найти наиболее оптимальные модели их структурирования. Борьба «глобалистов» и «антиглобалистов» по сути дела является лишь спором о формах и методах структурирования новой модели мира и формирования новой картины мира. Но вряд ли кто-нибудь всерьез воспримет предложение разом «избавиться» от глобализации, отключив все компьютеры и разрушив глобальную информационную сеть. Как известно, в XIX веке нечто подобное попытались сделать луддиты – разрушители машин, но, несмотря на все их старания, процесс развития истории не остановился.

В то же время, основой развития глобальных процессов современности является не только формирование нового информационного пространства, обуславливающего возникновение «мира без границ», т.е. некоего «*виртуального универсума*», но и вполне *реальная социокультурная диффузия*, в которую вовлечены самые широкие слои населения. Новые транспортные технологии предоставили новые возможности реального перемещения людей в пространстве и даже... во времени (ср.: перелет из

России в Америку связан с «потерей» суток, обратно, из Америки в Россию – с «приобретением» суток). Высокоскоростные средства передвижения делают возможным для любого человека освоение новых территорий и пространств (туризм, бизнес, личные контакты). Мобильность, социальная динамичность становится одной из важнейших характеристик личности в определении ее адаптированности к современной жизни. В то же время, доступность самых разнообразных форм общения и необходимость межличностного понимания на психологическом, морально-этическом, правовом, экономическом, бытовом и т.д. уровнях требует выработки неких общепринятых социально-психологических норм общения.

Мощные миграционные процессы, которыми характеризуется современная общественно-социальная ситуация, связаны не только с экономическими, но в той же степени и с психологическими факторами. Поиск себя, своей идентичности в «омассовленном» мире приводит к острой необходимости обрести *свое, идентичное себе* жизненное пространство. Вместе с глобализацией возникает проблема идентичности, национальной и индивидуальной, и одновременно проблема мультикультурализма в соотношении ее с поликультурностью.

Т.о., глобализация – это не есть процесс культурной унификации, и она не сводится к зловещей и анонимной экономической власти неких «всемогущих мировых сверхкорпораций», как исступленно пытаются убедить нас ревнители «доброй старины». Глобализация есть объективная тенденция развития всего мирового сообщества, оказывающегося в ситуации транскультурных, транснациональных и трансконтинентальных связей.

С другой стороны, сам процесс глобализации неизбежно связан с острым мировоззренческим кризисом, которым явно отмечена современная жизнь. Он проявляется на нескольких уровнях. *На уровне общественно-социальном* он обусловлен с потерей ясной геополитической картины мира, которая была свойственна человеку, жившему в пространстве, четко поделенном на «сегменты», т.е. территории, определяемые границами национальных

государств, жестко стоящих на страже своих интересов. Произошедший в 80-90-ые годы «передел границ» был вызван не только распадом Советского Союза и отразился не только на геополитической карте Европы, но в той же степени был связан и с изменением общественно-политической ситуации в странах «третьего мира», на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. Именно в этот период произошла «глобальная перекодировка» карты мира. В связи с этим возник кризис идеи государственности как гаранта социальной стабильности и защищенности индивида. Границы государства оказались относительными и подвижными. Патриотическая идея все более активно вытеснялась идеей космополитической.

На уровне социально-психологическом он связан с кризисом «идентифитетов», т.е. с утратой возможности своего четкого национального самоопределения и в связи с этим утратой своих корней, традиций и даже языка. В 90-е годы в связи с глобализацией и «перекодировкой» геополитической карты мира явно обозначился процесс т.н. «гибридизации», актуализировались мировоззренческие категории «своего» и «чужого», выявились такие понятия как «межпространственность», «пороговость», «психологически конфликтные зоны». Особенно остро встала проблема социокультурного функционирования так называемого «мультикультурного общества», т.е. общества со сложным полиэтническим составом.

На культурологическом уровне глобальный кризис связан с потерей четкой ценностной ориентации как в самой культуре, так и в сознании отдельного индивида, живущего в «эпоху постмодернизма». Активная экспансия «массовой культуры» и связанная с этим унификация языка культурного общения, с одной стороны, и демонстративный элитаризм «университетской культуры», «интертекстуальная» и «гипертекстуальная» игра с культурными составляющими, с другой, породили острый разрыв внутри самой постмодернистской культуры. Так, первая составляющая, ориентированная на массового потребителя, основывается на пародийно-деструктивной эстетике, вторая, ориентированная на элитарного (или

причисляющего себя к таковым) потребителя строится на эзотерических блужданиях по лабиринтам текстов культуры. И в том, и в другом случае происходит разрыв с традиционными этическими ценностями, а сама культура постмодерна утверждает абсолютный этический релятивизм.

Именно ощущение острого мировоззренческого кризиса порождает в качестве интеллектуальной оппозиции «охранительные» тенденции в обществе. Именно «охранительная» идеология обвиняет «глобализацию» и «глобалистов» «во всех смертных грехах» и призывает вернуться назад «в доглобальную эпоху». Но, оглядываясь назад на целых 100 лет, когда, казалось никаких «сетей» и «транснациональных корпораций» и в помине не было мы встречаем характеристику эпохи рубежа XIX – XX веков, которую дал ей ее современник А.Белый:

«Мы переживаем кризис. Никогда еще основные противоречия человеческого сознания не сталкивались в душе с такой остротой, никогда еще дуализм между сознанием и чувством, созерцанием и волей, личностью и обществом, наукой и религией, нравственностью и красотой не был так отчетливо выражен»¹.

«Порубежные эпохи» или эпохи «рубежей веков» имеют удивительное сходство в типологии своего развития. Как отмечают исследователи – это эпохи мировоззренческих кризисов, связанных с перестройкой общей гуманитарной системы мышления. Но кризис, как известно, не есть тупик и не есть гибель. Диалектика каждого кризиса заключается в том, что он знаменует собой переход от одной, уже изжившей себя формы развития культуры, к другой, нарождающейся. Современная социально-историческая реальность также выявила всю очевидность гуманитарного кризиса, переживаемого нами сейчас. И в этой ситуации остро встает проблема определения базовых гуманитарных ценностей.

Необходимость осмысления базовых ценностей в системе современного социокультурного мышления определяет важнейшую роль гуманитарных наук в поиске выхода из мировоззренческого кризиса, обозначившегося на

рубеже XX – XXI веков. Он заключается прежде всего в формировании новой гуманитарной парадигмы, в которой реалии глобального мира получают свое адекватное осмысление.

Обозначу одну из важнейших, с моей точки зрения, особенностей этой новой парадигмы. Она заключается в необходимости активного и конструктивного обмена гуманитарными ценностями на уровне:

- междисциплинарном,
- межкультурном,
- межнациональном.

Новая гуманитарная парадигма, основанная на изучении реалий глобального мира, стремится к обогащению содержательного пространства гуманитарных знаний и культурного ареала не за счет экспансии одной культуры в другую, не за счет навязывания своих идеологем, а за счет *расширения гуманитарного горизонта*.

Поэтому ни базовые ценности, ни образовательные модели не могут и не должны быть механически импортированы из одной страны в другую, из одной культуры в другую. Они формируются путем *обмена и отбора* в процессе этого обмена тех фундаментальных понятий, без которых невозможно существование человека в современной культуре.

Современный этап развития культуры принято определять термином «постмодернизм». Эпоха постмодернизма, четко обозначилась в 80-е годы XX века и определила философский и художественный смысл культуры «рубежа веков». И если 10-15 лет назад постмодернизм воспринимался как повальная литературно-философская мода, то теперь он стал академической классикой. В современной гуманитарной науке это явление исследовано очень широко и подробно, и не следует еще раз повторять все те его признаки, которые каждый студент филологического, философского или исторического факультетов. В ходе наших рассуждений важно выявить не специфику «игрового сознания», не поэтику коллажных конструкций, не принцип цитации и прочие атрибуты постмодернистского текста, но

специфический способ самоопределения человека в новой реальности в совокупности ее исторического, политического и художественного содержания. Именно способ самоопределения человека в мире и становится главным отличием модернистского типа сознания, на котором строился тип художественного мировидения человека XX века от постмодернистского способа мировидения.

Модернизм, в целом, характеризуется «аутизмом мышления» (по определению В.Руднева)², психологической интровертностью, стремлением абсолютизировать мир своего внутреннего бытия. Другими словами, художественный вектор модернизма – это вектор «центростремительный».

Постмодернизм являет в культуре нечто обратное. Он характеризуется стремлением стать частью большого мира, разомкнуть себя «вовне», оказаться сопричастным глобальным проблемам жизни, выйти за пределы своего субъективного мировидения. Художественный вектор постмодернизма – это вектор «центробежный».

Подобная «центробежность» постмодернистского типа мироощущения не случайна. Постмодернизм формировался во многом как реакция на новую информационную революцию, которая была обусловлена появлением новых компьютерных технологий. Эти технологии неизбежно «привели» в дом каждого человека, имеющего доступ к интернету, глобальный мир. Границы пространства, которое человек отныне мог освоить, мгновенно разомкнулись. Виртуальное воспринималось как реальное, и для человека оказывалось возможным находиться во многих мирах одновременно, а не только в локальном мире своего эмпирического бытия. Сидя в одиночестве перед монитором в самой отдаленной точке пространства, обычный человек мог ощущать свою связь с жизнью всей планеты в целом. Человек выходил из замкнутого индивидуального пространства и оказывался в глобальном пространстве мира. Процесс глобализации оказывался связанным с изменением самой структуры человеческого сознания.

Т.о., первая черта глобального мышления – это разрушение модернистского «аутизма» и осознание значимости всех мировых процессов для индивидуального человеческого бытия. Другими словами, это психологическая, эмоциональная и интеллектуальная *вовлеченность* в глобальные процессы жизни.

Далее, традиционное для XX века (модернистское) сознание ориентировалось на наличие, а порой и непреложность, определенных внешних детерминант, с которыми личность вступала в сложные, а порой трагические взаимоотношения. Достаточно вспомнить весь диапазон художественных решений этой проблемы: от Кафки до экзистенциалистов, чтобы понять, насколько «абсурдный мир» «непроницаем» для сознания. При этом предполагалось, что сознание личности обладает известной целостностью, а также интеллектуальной и психологической самодостаточностью. Во взаимодействии с внешними факторами оно обретало внутреннюю константность. Такому пониманию внутреннего мира личности во многом способствовало учение Юнга и все его последующие модификации. Архетипичность как некая базовая структура личности придавала ей глубинную основу, своеобразную цельность и твердость в отстаивании себя перед внешним миром. Отсюда одна из главных проблем модернизма – интеллектуальная оппозиция всему «внешнему», которое мыслилось как «неистинное» в соотношении с «внутренним», т.е. «истинным».

Эпоха информационной революции породила совершенно иную социокультурную ситуацию. Ценность личности стала определяться не ее интеллектуальной ригидностью, интеллектуальной жесткостью и самодостаточностью, а наоборот: гибкостью мышления, «разомкнутостью» в мир, способностью быстро реагировать на постоянно меняющийся интеллектуальный запрос времени. То, что являлось отрицательным при характеристике личности в эпоху модернизма и определялось как «социально-психологическая мимикрия», явилось необходимым в эпоху

постмодернизма и стало определяться как «социальная интеллектуальная мобильность». Эта мобильность была обусловлена появлением огромного количества новых профессий, новых сфер деятельности, неимоверно разросшимся рынком труда и самое главное – его интернационализацией. Интеллектуальная мобильность предполагала разрушение традиционного представления о внешнем мире как о пространстве власти замкнутых структур и социальных детерминант. Интеллектуальная мобильность породила необыкновенную свободу в социокультурном пространстве жизни. Стремительные карьерные «взлеты» и «падения», неожиданные профессиональные «зигзаги» стали характеристикой нового способа самореализации человека в эпоху глобализации. В этом смысле понятие «глобализации» мыслится как выход за пределы изначально очерченного круга социального пространства, с которым человек обязан взаимодействовать. Само понятие «глобализации» предполагает решительный пересмотр тезиса К.Ясперса о том, что «существовать – это значит жить в среде, которую не выбрал и которая мне не нужна». Сама постмодернистская мобильность «разламывает» «ограничивающие ситуации». То, что было бесспорной истиной для экзистенциального бытия, перестает быть истиной для бытия постмодернистского.

Т.о., второй отличительной чертой глобального мышления является интеллектуальная мобильность и новое, отличное от экзистенциального, понимание свободы.

В третьих, процесс глобализации всколыхнул весьма важную и острую проблему, связанную с конфессиональной принадлежностью. На протяжении всего XX века вопрос о религиозных убеждениях был прежде всего внутренним и сугубо личным делом каждого человека. В эпоху глобализации религия становится прежде всего проблемой политической, а, следовательно, активным и действенным идеологическим фактором, играющим важнейшую роль в современной жизни. Конец XX века явил всю деструктивную мощь глобального столкновения религиозных убеждений, когда отдельная

человеческая личность не «спасалась в религии», как это было раньше, а, наоборот, активно осуществляла экспансию своих религиозных взглядов в глобальном масштабе, даже ценой глобальных катастроф.

Т.о., третьей отличительной чертой процесса глобализации в культуре является, как это ни парадоксально, обострение проблемы идентичности на разных уровнях: национальном, конфессиональном, языковом.

Наконец, глобализация во многом проявила себя на уровне перестройки художественного языка, когда новые образные структуры становятся характерными для произведений, создаваемых художниками в разных странах. Компьютерные технологии решительно изменили представление о структуре вербального текста. Принцип симультанного расположения семантически значимых единиц на экране и необходимость работать с этим понятийным пространством через систему гиперссылок породили явление гипертекста в литературе.

Но важно отметить и другое. Переизбыток информации, «обрушившейся» через компьютер на сознание человека, породил дискретность мышления. Целостная система знаний о мире распалась на бесконечное множество составляющих фрагментов, связанных между собой «ближними» и «дальними» отсылками. Сам семиотизированный мир превратился в малоуправляемый «гипертекст».

Информационный шквал, в котором «захлебывался» человек, породил интеллектуальный парадокс: ощущение сомнения в истинности множества разрозненных фактов. Вот здесь и возникало состояние, охарактеризованное культурологами как «эпистемологическая неуверенность», т.е. отрицание возможности обрести целостное и законченное знание. Видение и понимание реальности определялось выбранным самим человеком местом в жизни. Картина мира складывалась из отдельных фрагментов, превращалась в некую «мультифрагментарную реальность», порождая феномен «клипового сознания». Характерно, что именно в конце XX века активизируются аудиовизуальные средства эмоционального воздействия. В то же время

мультимедийный аудиовизуальный язык породил не только эстетику видеоклипов и феномен шоу-бизнеса. Мультимедиа – это не только проявление массовой культуры, хотя, безусловно, в основном мультимедийная продукция адресована массовому сознанию. Следует отметить, что в данном случае речь идет о новой форме культуры, которая дополняет традиционные старые формы. Решительно отмести культурологическую значимость новых художественных форм означает встать на позиции тех идеологов, которые когда-то утверждали, что абстрактная живопись – это «мазня ослиными хвостами», а модернизм – художественно чуждое здоровому сознанию явление. Мы оставляем за рамками статьи рассуждения об имманентных законах развития искусства и о критериях оценки массового и высокого искусства. Но совершенно очевидно, что каждая культурная эпоха манифестирует себя своим художественным языком. Он не отменяет всю предшествующую культуру, не пытается ее уничтожить, но, вступая с ней в полемику, пытается активно доказать свое право занять «место в общем ряду».

Т.о., четвертой особенностью глобализации мышления является формирование нового художественного кода в современной культуре.

Подведем первый итог. Понятие глобализации не связано с тенденцией к унификации культуры и утраты ее национальной самобытности. Оно не сводится к обязательной нивелировке литературно-художественных и культурно-мировоззренческих процессов. Наоборот, именно в эпоху глобализации происходит порой обострение чувства национальной идентичности, остро встают проблемы специфики национальных культур. Но важно то, что все эти проблемы человек конца XX – начала XXI века стремится решить исключительно *в глобальном масштабе*, требуя, чтобы его услышал *весь мир*, даже ценой бомбовых ударов.

Человек конца XX века «вышел из себя в мир», и каждая проблема, казавшаяся раньше частной, обрела глобальное значение. Политика, экология, экономика – все оказалось решаемым только в мировом масштабе.

Даже «любовь по интернету» и «брак по интернету», которые еще 15 лет назад мыслились анекдотическим курьезом, теперь становятся одной из важнейших составляющих личной жизни человека. И эта новая реальность с ее новой логикой будет находить и уже находит свое отражение в современной культуре. Тогда возникает вопрос: как в дальнейшем может влиять процесс глобализации на развитие культуры, и, в свою очередь, как культура и сознательная культурная политика может влиять на процесс глобализации? Каково может быть в дальнейшем отношение традиционных и нетрадиционных форм культуры? Будет ли востребована традиционная культура в современной жизни или следует признать, что классическое наследие может существовать сегодня только в виде интертекстуальной цитации? На все эти вопросы нам еще предстоит ответить.

И все же, прежде чем закончить статью, следует указать на еще один вызов: вызов самой современной культуры эпохе глобализации. И суть этого вызова заключается в том, что к настоящему моменту идеология постмодернизма фактически уже проявила свою исчерпанность. Более чем двадцатилетнее царствование постмодернизма в системе современных гуманитарных знаний (и шире – в современной идеологии в целом) по сути дела полностью разрушило критерии оценки художественного произведения, и упразднило познавательную значимость искусства. Вот тут и возникает вопрос о критериях оценки и о ценностном статусе самой художественной культуры и, одновременно, о статусе гуманитарных знаний в целом.

Какова сущностная структура художественного произведения? Имеет ли искусство содержательный смысл и, если имеет, то что познается в процессе художественной деятельности? Множественность современных научных школ, подходов, методов в исследовании художественного произведения предполагает порой абсолютную противоречивость его оценки. То, что одной школой определяется как художественно значимый фактор, для другой становится чуть ли не проявлением художественной несостоятельности. Методология гуманитарных и художественных исследований

постмодернистской эпохи впала в полный релятивизм. Проблема анализа литературно-художественного произведения вышла за рамки аудиторных знаний и приобрела философский смысл. Поэтому не случайно, что современная философия все чаще обращается к проблемам осмысления как современного литературно-художественного, так и историко-культурного процесса в целом.

В первом номере журнала «Вопросы философии» за 2000 год была опубликована статья под названием «Бахтин: диалектика диалога versus метафизика постмодернизма». В этой статье речь идет о парадоксах интерпретации идей Бахтина на протяжении последних 40 лет развития гуманитарных наук. И главным парадоксом является то, что бахтинская философия диалога и философия поступка оказались востребованными постмодернизмом, причем в «вывернутом наизнанку виде»³.

Философия диалога, согласно Бахтину, предполагает не только встречу текстов и не только встречу культур на некоем безличном уровне. Диалог по Бахтину - это насквозь диалектическая связь субъектов. И не «смерть автора» предполагает внутритекстовый и межкультурный диалог, а глубоко личностное обоснование права на свой персональный голос. Но что еще более важно, диалог по Бахтину разворачивается в истории. «Историчность по Бахтину - это приобщение субъекта к исторической действительности через свой поступок, а точнее - систему поступков, постоянную активную ответственную деятельность»⁴.

В то же время, в постмодернизме понятие истории заменялось понятием культуры, при этом сама культура становится внеисторичной. Преодоление постмодернизма на данном этапе - это выход культуры в реальную историю и обретение культурой исторического содержания. И второе: это обретение человеком самого себя в культуре и в истории, возвращение к своей личностной идентичности после бесконечной постмодернистской смены масок, заменявших человеческую сущность. В современной культуре вновь актуализируется проблема исторической памяти. Человек оказывается

причастным не только к пестрому многоголосию современной культуры, но и к трагическому опыту XX века в целом. Этот опыт доказал, что именно социальная, политическая и национальная «антидиалогичность» породила исторические катастрофы XX века, породила холокост, который вышел за пределы еврейских гетто и обрел значение всякого социального геноцида. Об этом, в частности, размышляют писатели, чьи произведения за последние годы отмечены Нобелевскими премиями: Гюнтер Грасс (1999), Гао Синцзян (2000), Видиадхар Найпол (2001), Имре Кертес (2002).

При этом особенно важно то, что в ситуации преодоления постмодернизма человек осознает себя в новой, конкретно-исторической реальности: это объективно существующая мультикультурная реальность. Поэтому современный интеллигент находится не в состоянии пресловутой транстемпоральной игры с реалиями культуры, а в объективно существующем мультикультурном пространстве, на пересечении и взаимодействии многих культурных составляющих: Западных и Восточных, Христианства и Ислама, фундаментализма и модернизма, религиозной этики и атеистического безверия, этнической и национальной самобытности и интеллектуального космополитизма. Все вышеперечисленное и еще многое другое сплетаются в единый комплекс глобальных проблем, в котором человек должен определить свою неповторимую самость и выстроить конструктивный диалог с «другим».

Художественная манифестация этих проблем и определяет нынешнее развитие культурного процесса.

И поэтому вместо термина «пост-пост-модернизм», все настойчивее звучащего сейчас в академических аудиториях и элитарных художественных кругах, вероятно, целесообразно говорить о формировании нового типа современного гуманитарного сознания, нового способа осмысления себя человеком в мире. И процесс обретения базовых ценностей в системе современного гуманитарного мышления выражает себя в движении от этического релятивизма к идее социальной ответственности, от

транстемпоральности к истории, от пресловутой «смерти автора» к рождению «персоны».

Что есть базовые ценности эпохи глобализации и как они соотносятся с базовыми ценностями культуры – это и есть главный вопрос нашего времени.

Примечания

¹ Белый А. Кризис сознания и Г.Ибсен // Арабески

² Руднев В. Словарь культуры XX века. – М., 1997. С.31.

³ // Вопросы философии. 2000, №1. С.120.

⁴ Там же. С. 130

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.
Грант 03-06-80369а